Газета. – 2002. – 22 авг. – с. 11.

Анна Нетребко:

“характер у меня как у Наташи Ростовой”

Солистка Мариинского театра сопрано Анна Нетребко — восходящая звезда мировой оперы. После триумфального выступления в нью-йоркском спектакле «Война и мир» на нее обратили внимание самые выдающиеся дирижеры мира. Николаус Арнонкур выбрал ее для исполнения партии Донны Анны в «Дон Жуане» Моцарта в Зальцбурге. Впервые русская певица пела партию моцартовской примадонны на главном мировом фестивале. С Анной Нетребко встретился корреспондент Газеты Вадим Журавлев.

Вы абсолютно современный человек, на нашу встречу приехали на велосипеде. Вам, наверное, легко было работать в зальцбургском «Дон Жуане», приближенном к современной жизни?
А я в первый раз пела в таком спектакле. Мне было очень интересно, но трудно. Здесь очень много построено на воображении, на актерской свободе, чего, как я считаю, в опере быть не должно. Репетиции поначалу проходили очень тяжело, потому что певцы не понимали, чего от них хочет режиссер. Но потом, когда мы посмотрели спектакль с декорациями, со светом, всем очень понравилось.

А с кем было интереснее работать: с молодым режиссером Мартином Кущеем или с патриархом моцартовского музицирования Николаусом Арнонкуром?
Ну, это разные вещи. Арнонкур — замечательный, отзывчивый. На него смотришь — он тебе дает все, даже энергию. Иногда он бывает уставшим, как все. Он помогал певцам, хотя многие спорят о его темпах. Если я его просила играть что-то быстрее, то он шел за мной. Он пять лет искал певицу на роль Донны Анны. Я приехала к нему на прослушивание больная и спела две фразы. Этого было достаточно. Надо мной все смеялись, и никто, кроме Арнонкура, не верил в то, что я смогу спеть Донну Анну.

Русские певцы больше любят петь в итальянском репертуаре. А вы?
Я всегда была моцартовской певицей, дебютировала в Мариинском театре в «Свадьбе Фигаро». Я уже спела в «Идоменее» с Пласидо Доминго, сейчас еду петь в Covent Garden Сервилию в «Милосердии Тита». Я пою и итальянский репертуар, но моцартовская музыка — это как будто моя правая нога, на которой я буду прочно стоять всю мою карьеру.

А что тогда левая? Итальянская или русская?
С русской музыкой я почти не буду связана. У меня есть три-четыре русские оперы, которые я пою: «Война и мир», «Руслан и Людмила», «Царская невеста», «Обручение в монастыре». Этого достаточно. Я заключила контракт с фирмой Deutsche Grammophon и буду записывать пять дисков. Они категорично настроены против русского репертуара. И первый диск будет с ариями из французских и итальянских опер — от «Сомнамбулы» Беллини до «Фауста» Гуно. Дирижировать будет Джеймс Левайн, главный дирижер Metropolitan Opera, с которым я только что впервые спела Четвертую симфонию Малера. Летала из Зальцбурга на фестиваль в Швейцарию. Но Левайн есть Левайн. Я так старательно работала над немецким языком, что все меня похвалили.

А вы для этого занимаетесь с педагогом?
Ни с кем не занимаюсь. Я прошла эту партию два раза с английским пианистом. Я слушаю диски и могу очень точно скопировать произношение. А все остальное я беру от дирижера. Я очень внимательно слежу за ними и моментально реагирую на все их установки. Почему Арнонкур был доволен моей работой? Потому что я была очень внимательна к тому, что он говорил. Он мне даже сказал вчера, когда я ошиблась в арии первый раз: «А я думал, что ты не человек, потому что ты никогда не ошибаешься».

У вас есть удовлетворение тем, что вас так здорово принимают в этой главной для Зальцбурга опере и главной для этой оперы партии?
Конечно, но я стараюсь об этом много не думать. Ведь если об этом много думать, то «голова вырастет», будешь думать о себе, о своей гениальности. Это не про меня. Надо к этому относиться как к факту. Например, я в этом спектакле пою с такой звездой, как Томас Хэмпсон, даже целуюсь с ним. Будем относиться к этому спокойно.

Вы продолжаете себя считать солисткой Мариинского театра?
Да, я всегда туда возвращаюсь и буду возвращаться, пока театр будет этого хотеть. У меня прекрасные отношения с Валерием Абисаловичем. Здесь в Зальцбурге мы в очередной раз признались друг другу в большой человеческой любви. Моя карьера процентов на семьдесят — от него. Именно он не боялся рисковать и бросать меня на ответственные постановки, даже когда я ничего собой не представляла. Так я потихоньку и карабкалась.

Какая партия была самой рискованной — Наташи Ростовой?
Людмила из «Руслана и Людмилы» Глинки. Партию Наташи я выучила всего за пять дней, я ее даже не «впевала». Но мне всегда было очень удобно ее петь. Все говорят, что это партия для крепкого голоса, но на мой голос она сразу легла. А на характер — тем более. Характер у меня точно, как у Наташи Ростовой.

А у вас появились уже любимые партнеры?
Я везучая, у меня все партнеры хорошие, и я их обожаю. И они меня, кажется, тоже. Прекрасен был Дима Хворостовский в «Войне и мире» в Нью-Йорке. А Майкл Шаде, который поет в Зальцбурге Дона Оттавио, пользуется тем, что я должна быть на сцене в обмороке и ничего не могу сделать. И он каждый раз меня то ущипнет, то укусит.

У вас есть премьерные планы в Мариинке?
Мы делаем «Травиату» в следующем сезоне, снимаем фильм на DVD. Режиссером будет Шарль Рубо, который поставил в Питере «Турандот». Но я боюсь после Моцарта переключаться на «Травиату», не буду ее много петь. Я буду исполнять другие партии, например, Джильду в «Риголетто». Я должна была петь ее в La Scala с Риккардо Мути. Я занималась с ним, репетировала, но заболела сильно и не пела спектакли. Я очень много взяла от Мути. Он, конечно, очень трудный: не дай бог с ним работать! Я ощутила атмосферу La Scala — и мне хватило. Но Джильда у меня теперь в кармане.

В жизни вы так просты и естественны, что невольно рождается вопрос: современная девушка, каждый вечер одевающая кринолины и парики, изображающая романтических дев, не сходит ли от этого с ума? Не хочется пойти в ночной клуб, на дискотеку?
В ночные клубы я хожу, правда, не очень часто. Если я пою спектакли, то не могу туда ходить — слишком большая ответственность. На мозги больше всего действуют дурные мужчины. Вчера мне бросил цветы на сцену один фан. Он появился в Нью-Йорке, а раз сюда приехал, то будет бросать цветы каждый спектакль. Причем он пишет письма, в которых объясняет, когда он в следующий раз будет бросать или почему он на следующем спектакле не может бросить. И как я должна ловить этот букет. Перед каждой премьерой мне доставляют от него бутылку Don Perignon, и мы ее со всеми певцами распиваем после премьеры.